

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

DOI: 10.31857/S086919080017339-9

ВЗГЛЯДЫ В.С. ГОЛЕНИЩЕВА НА ЕГИПЕТСКИЙ ЯЗЫК
В СВЕТЕ ЕГО АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ*

© 2022

И.А. ЛАДЫНИН ^{a, b}^a – Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия^b – Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия
WoS ID: J-3968-2016; Scopus ID: 39764478000
ORCID: 0000-0002-8779-993X; ladynin@mail.ru

Резюме: Статья посвящена оценке научного наследия основоположника российской египтологии В.С. Голенищева, которое отражает его взгляды на строй и происхождение египетского языка. В ней рассмотрен ряд архивных материалов египтолога: состав архивного фонда Центра Владимира Голенищева (Париж), содержащего рукописи его труда о египетском синтаксисе, а также один из относящихся к нему документов, письма французским египтологам Э. Дриотону от 17 июня 1922 г. и Г. Лефевру 14 сентября 1936 г., фрагменты других писем; проведено соотнесение их содержания с публикациями В.С. Голенищева. Показаны пункты полемики ученого с теоретическими положениями сложившейся в конце XIX в. «берлинской школы» египетской филологии (А. Эрман, К. Зетэ и др.) – неприятие представлений о т.н. «псевдопартиципе» как аналоге семитского перфекта и форме, стадияльно более ранней, чем местоименно-суффиксное спряжение, о причастной природе основы последнего, о трехгласности типичной основы египетского глагола. При этом первичным для Голенищева было оформление его собственных филологических взглядов, а не потребность в оспаривании постулатов «берлинской школы»: показательно, что он воздерживался от прямых споров с ее главой А. Эрманом и последователем А.Х. Гардинером. Активизацию его полемики с «берлинской школой» можно связать с обстановкой конца Первой мировой войны. При этом для позиции ученого было важно его видение генезиса египетского языка: по его мнению, было невозможно квалифицировать его как один из семитских или родственной семитским, и более вероятно было его происхождение вместе с семитскими языками от общего предка. Совпадение ряда представлений Голенищева с сохраняющими и теперь свое значение выводами И.М. Дьяконова о генезисе афразийских языков и месте египетского языка в их системе позволяет сказать, что его взгляды в определенной мере опередили свое время.

Ключевые слова: В.С. Голенищев, египетский язык, «берлинская школа», семитские языки.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников)».

Автор статьи благодарен участникам данного проекта – заведующей Отделом древнего Востока ГМИИ имени А.С. Пушкина О.А. Васильевой и сотруднику Отдела Е.А. Анохиной за возможность исследовать собранные ими архивные материалы, аспиранту МГУ имени М.В. Ломоносова Д.А. Изосимову – за подготовку публикуемого архивного документа к печати.

Для цитирования: Ладынин И.А. Взгляды В.С. Голенищева на египетский язык в свете его архивных материалов. *Восток (Oriens)*. 2022. № 3. С. 217–233. DOI: 10.31857/S086919080017339-9

VLADIMIR GOLENISCHEFF'S VISION OF THE EGYPTIAN LANGUAGE IN THE LIGHT OF HIS ARCHIVAL EVIDENCE

© 2022

Ivan A. LADYNIN ^{a, b}^a – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia^b – National Research University “Higher School of Economics”

Moscow, Russian Federation, Moscow, Russia

WoS ID: J-3968-2016; Scopus ID: 39764478000

ORCID: 0000-0002-8779-993X; ladynin@mail.ru

Abstract: *The article assesses the heritage of the Russian Egyptologist Vladimir Golenisheff reflecting his views on the structure and the origin of the Egyptian language. It highlights some of his archive documents: the structure of the fund in Centre Vladimir Golénisheff (Paris) with manuscripts of his treatise on the Egyptian syntax; a paper belonging to it; his letters to the French Egyptologists Étienne Drioton and Gustave Lefebvre of 17 June 1922 and 14 September 1936; fragments of other letters. The evidence of these papers is compared with his publications. The points of Golenisheff's polemics with the Berlin school of Egyptian philology were defined with his reluctance to accept the notion of Pseudopartizip as an analogue of the Semitic perfective and its anteriority to the suffix conjugation, the participial nature of the latter's stem, the triliterality of Egyptian verbal roots. Golenisheff's position was obviously backed by his own scholarly experience accumulated with years and not with some personal urge to oppose the Berlin school. His voice on these points became louder with the end of World War I, when the scholar laid the responsibility for the catastrophe in Russia on Germans. The scholar's ideas largely depended on his vision of the origin of the Egyptian language: he declined its immediate connection to the Semitic languages and favoured their common origin from an ancestor tongue. A comparison of this vision with the concept of the Afroasiatic languages forwarded in 1960s by Igor Diakonoff shows that Golenisheff was well ahead of his time.*

Keywords: Vladimir Golenisheff, Egyptian Language, the Berlin School, Semitic Languages.

For citation: Ladynin I.A. Vladimir Golenisheff's Vision of the Egyptian Language in the Light of His Archival Evidence. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 3. Pp. 217–233. DOI: 10.31857/S086919080017339-9

Acknowledgements: the research was carried out with the financial support of a grant from the Russian Science Foundation within the framework of project no. 19-18-00369 "The Classical Orient: culture, world-view, tradition of research in Russia (based on the monuments in the collection of the Pushkin Museum of Fine Arts and archive sources)".

The author of the article is grateful to the participants of this project – O.A. Vasilyeva, head of the Department of Ancient Orient, the Pushkin State Museum of Fine Arts, and E.A. Anokhina, fellow of the Department, for the opportunity to study the archival data they collected, and D.A. Izosimov, post-graduate of the Lomonosov Moscow State University, for preparing the published archive document for publication.

Оценка научного наследия Владимира Семеновича Голенищева (1856–1947) – одного из основоположников отечественной египтологии – затруднена в силу специфики его места в общем развитии этой дисциплины. Свои первые шаги в науке Голенищев сделал еще в 1870-е гг., когда дифференциация египтологии на сравнительно изолированные направления (археологию, филологию, религиоведение и др.) еще не произошла, и общей задачей всех исследователей древнего Египта считалось создание комплексной картины его истории и культуры. Мы уже видели на примере конкретного «кейса» – неформального участия Голенищева в исследовании гробницы Петосируса вблизи Гермополя в 1919–1920-м гг., – что ученый сознавал значимость такой картины и в ее контексте был готов корректировать свои конкретные наблюдения, основанные на знании языка и эпиграфики [Ладынин, 2021(1)]. Помимо собирания своей коллекции, благодаря которой имя Голенищева помнят в России и за пределами египтологии, его интерес в этой дисциплине состоял в первую очередь в исследовании египетских текстов и их языка. Нет сомнений, что позиция Голенищева по связанным с этим научным вопросам стала формироваться очень рано¹, и при этом ее формирование шло, если можно так выразиться, естественным образом. Попробуем пояснить, что мы имеем в виду.

С одной стороны, первое научное направление, выработавшее последовательную схему египетского языка, – «берлинская школа» во главе с А. Эрманом [*Историография истории древнего Востока*, 2008, с. 96–98; *Ägyptologie als Wissenschaft*, 2006; Gertz, 2013] – оформилась лишь в 1880-е гг., когда Голенищев завершал первое десятилетие своей научной деятельности и его филологические взгляды успели сложиться вне ее влияния и вне полемики с ней, на основе его обобщения им самим достаточно эклектичного опыта его предшественников. С другой стороны, А.О. Большаков заметил в связи со службой Голенищева в Императорском Эрмитаже: «...он утрачивал независимость, чувствовал ответственность перед музеем, и в результате по эрмитажным памятникам им сделано гораздо больше, чем по собственным» [Большаков, 2007, с. 9]. Это суждение можно отнести и к изучению Голенищевым египетского языка, по крайней мере, на дореволюционном этапе его биографии: как и в коллекционировании, в этой сфере он был просто «одним из тех немногих богатых людей, которые жили не бездумной жизнью» [Струве, 1960, с. 3], и, в отличие от университетских ученых, не стоял перед необходимостью формулировать свои взгляды обязывающим образом на университетской кафедре или в публикациях. Как известно, только разорение, а затем, после 1917 г., утрата ренты за приобретение государством его коллекции, заставили его искать на склоне лет постоянную египтологическую работу [*Выдающийся русский востоковед...*, 1987, с. 17, 252–254].

Пожалуй, первый повод обобщить свои взгляды по вопросам языка представился Голенищеву при издании «Сказки о потерпевшем кораблекрушение», папирус с текстом которой (pEgm. 1115) он обнаружил и хранил в Эрмитаже: его научная публикация требовала обоснования принципов, по которым она осуществлялась [Golénischeff, 1912]. Значение этого труда Голенищева было верно оценено, в частности, восхищавшимся им В.В. Струве, который попытался положить его в основу собственных теоретических представлений о египетском языке (см. его письмо Голенищеву от 4 мая 1914 г.: [*Выдающийся русский востоковед...*, 1987, с. 243]); однако и тут суждения Голенищева были не изложены синтезировано, а рассыпаны по ряду примечаний в глоссарии к тексту. К этому времени уже в полной мере выявились расхождения Голенищева с постулатами «берлинской школы», и в глоссарии «Сказки...» они, безусловно, заметны; однако, по-видимому, в связи с ними про-

¹ Голенищеву не было и 30 лет, когда он выступил с докладом, посвященным одной из базовых проблем изучения египетской письменности – происхождению ее одногласных («алфавитных») знаков: [Golénischeff, 1885].

явились и такие его черты, как сдержанность и деликатность. Читая письма Голенищева к египтологам Европы, трудно отделаться от ощущения, что часто он обращается к ним «снизу вверх», причем не всегда это оправдывается (как, например, в переписке с Эд. Навиллем [Ладынин, 2021(2)]) разницей в возрасте: видимо, несмотря на свой авторитет, русский египтолог не переставал стесняться «любительства» по сравнению с коллегами, для которых наука стала делом заработка. Поэтому трудно представить, чтобы его расхождения с «берлинской школой» вылились бы, например, в прямой спор с Эрманом, его другом и корреспондентом по меньшей мере с начала 1880-х гг.², который велся бы с напряженностью, свойственной научной полемике по принципиальным вопросам: закономерно, что в переписке Голенищева с Эрманом их расхождения почти не обсуждаются³. Неприятие Голенищевым «берлинской школы» обострилось после октября 1917 г.: вину за революцию и за утрату им благосостояния Голенищев возлагал на воевавшую с Россией Германию, и выпады против засилья «бошей» в науке звучат в его письмах конца 1910-х гг. склонному поддерживать эту тему Навиллю [Ладынин, 2021(2), с. 83, 86–87]. Вскоре Голенищев попытался сформулировать свои претензии к «берлинской школе» в статье, опубликованной в сборнике к столетию дешифровки египетской письменности Ж.-Ф. Шампольоном: разумеется, эта дата была научным праздником победившей в Первой мировой войне Франции, а сам сборник, характерным образом, вообще не включал работы немецких египтологов. Сам Голенищев в письме американскому египтологу Дж.Г. Брестеду назвал эту статью с оттенком извинения «злой прозой» (*méchante prose*)⁴; однако и в ней теоретическая часть, синтезирующая его взгляды, оказалась очень убористой [Golénisheff, 1922, p. 685–691], а основное место было уделено иллюстрирующим их примерам из египетских текстов. Таким образом, естественность филологической позиции Голенищева, о которой мы говорили, видится в ее недогматизме, в отсутствии у ее создателя потребности в придании ей некоей каноничной, «отлитой» формы, а также во вторичности его полемики с «берлинской школой» по сравнению с выработкой самой этой позиции.

Вернемся теперь к вопросу о месте творчества В.С. Голенищева в мировой египтологии. Из сказанного следует, что позиционировать свои идеи так, чтобы они были всерьез замечены, он мог прежде всего в полемике с учеными «берлинской школы»: не случайно Эд. Навилль в упомянутой переписке 1910-х гг. активно вербовал Голенищева в участники своего рода наступления против нее, которое должно было увенчаться удачей после победы Антанты в Первой мировой войне [Ладынин, 2021(2), с. 77–82]. Однако это наступление, по сути дела, не состоялось: изданная в порядке его осуществления книга самого Навилля [Naville, 1920] не вызвала резонанса, как и ранее замечания Голенищева в издании «Сказки о потерпевшем кораблекрушение» (возможно, они появились слишком незадолго до начала войны, чтобы вызвать серьезный отклик⁵), а его статья 1922 г. по своим масштабам не

² Известные нам материалы переписки двух ученых хранятся в Архиве Владимира Голенищева в Париже (Centre Wladimir Golénisheff, École Pratique des Hautes Études) и в фонде А. Эрмана в Городской и университетской библиотеке Бремена (Staats- und Universitätsbibliothek Bremen).

³ См., например, Erman-NL-Goleniščev, письмо от 24 мая (8 июня) 1904 г.: «И если я также во многих пунктах египетской грамматики придерживаюсь другого мнения, чем Вы и Ваши ученики, то все же я признаю неизменно с чувством благодарности, что именно эти проведенные с терпением и любовью изыскания привнесли особенно много в правильное понимание египетских надписей» (Und wenn ich auch in manchen Punkten der ägyptischen Grammatik mit Ihnen und Ihren Schülern anderer Meinung bin, so erkenne ich doch stets mit einem Gefühl von Dankbarkeit, dass gerade diese mit Geduld und Liebe durchgeführten Untersuchungen riesig viel zum richtigen Verständnis der ägyptischen Inschriften beigetragen haben).

⁴ Breasted. Письмо от 6 декабря 1922 г.

⁵ Ср. оценку неформальных отзывов об этом издании в письме В.С. Голенищева Б.А. Тураеву 2 июня 1912 г.: «... оригинально отзывается о ней (о книге – издании Голенищевым “Сказки о потерпевшем кораблекрушение”»,

отвечала задачам большой теоретической полемики. Основой для нее мог послужить задуманный Голенищевым большой труд о египетском синтаксисе, однако задача его создания явно отходила на второй план по сравнению с выживанием в эмиграции и укреплением на постах, связанных с более практической работой⁶. Немецкая же египтология быстро восстановила свои позиции (в сущности, поражение Германии в войне на них не слишком сказалось), и далее египетская филология развивалась, в том числе усилиями младшего друга Голенищева А.Х. Гардинера (1889–1963) [Bierbrier, 2019, p. 175–176], по пути не столько опровержения, сколько уточнения и корректировки теоретических положений «берлинской школы». Поиск для нее иных оснований Х.-Я. Полоцким и его последователями начался уже после смерти Голенищева [*Историография истории древнего Востока*, 2008, с. 99–103]. Можно согласиться с А.О. Большаковым, что появление «альтернативной теории... тем более теории, созданной человеком, родной язык которого имеет иной строй по сравнению с языками общепризнанных западноевропейских грамматистов», было бы важно в пору восхождения «берлинской школы» в конце XIX – начале XX вв.; и оказался Голенищев перед задачей начать университетское преподавание еще в России в 1880–1890-е гг., такая теория могла бы сложиться в некоем нормативном виде [Большаков, 2007, с. 9–10]. Однако этот шанс не реализовался, а в дальнейшем использование наработок Голенищева было затруднено не только отсутствием их системного изложения, но и изменением самой проблематики, обсуждавшейся в теоретическом аспекте.

Так или иначе, на сегодняшнем этапе развития египтологии филологические взгляды В.С. Голенищева нужно рассматривать именно в соотношении с постулатами «берлинской школы». Вклад ее создателя А. Эрмана в формирование категорий египетской филологии трудно переоценить: именно его работы по морфологии египетского языка пресекали попытки его неадекватного описания в понятиях классической филологии [*Ägyptologie als Wissenschaft*, 2006, S. 141–145]. Большую роль в его построениях сыграло выделение особой глагольной формы, названной им «псевдопартиципом» (Pseudopartizip) и сопоставленной с перфектом в семитских языках [Erman, 1889]. По мнению Эрмана, исходно эта форма играла в египетском языке роль основного повествовательного глагола (ältere Flexion [Erman, 1892, S. 100]), однако уже в 3-м тыс. до н.э. ее оттеснило в этом качестве местоименно-суффиксное спряжение (jüngere Flexion) [Erman, 1901]. Подробно исследовал египетский глагол ученик Эрмана К. Зетэ (1869–1934) [Bierbrier, 2019, p. 424–425]: согласно его выводам, исконным для египетского языка был трехсложный глагольный корень, а остальные корни были производными от него, что соответствовало представлениям об исконной природе семитского глагола [Sethe, 1899–1902, Bd. 1, S. 197–198, § 325; cf. Gardiner, 1927, p. 210, § 273]. Значительная часть глаголов с двумя согласными в их формах без геминации второго радикала была отнесена к глаголам с третьей слабой корневой согласной (*tertia infirmae*) [Sethe, 1899–1902, Bd. 1, S. 233–248, § 394–399]. При этом в описание глаголов были введены семитологические термины имперфект (для глагольной формы *sdm.f*) и перфект (для формы *sdm.n.f*) [Sethe, 1899–1902, Bd. 2, S. 329, § 760; cf. Erman, 1890, S. 94, § 225], а геминация – сочтена признаком имперфектного значения причастий [Sethe, 1899–1902, Bd. 2, S. 359–360, § 837]. Об основных формах местоименно-суффиксного спряжения

см. выше. – И.Л.) Питри: он говорит, что она “a corrective to the overgermanisation from which we suffer” («корректива к сверхгерманизации, от которой мы страдаем». – И.Л.). Вот из Англии я уже получил письма от Petrie и Budge, а от Schäfer, Steindorff, Sethe и Ranke не имею известий. Вероятно, сердиты на меня, или стовариваются, как отнестись к моему кощунству по отношению к грамматическим догматам...» [*Выдающийся русский востоковед...*, 1987, с. 225]. Среди доступных нам копий документов из Архива Владимира Голенищева копий этих писем нет.

⁶ В конце 1910-х и в 1920-е гг. Голенищев участвовал в издании иератических папирусов Каирского музея, а затем стал основателем кафедры египтологии Каирского университета [Bierbrier, 2019, p. 184].

было высказано мнение, что они представляли собой активное причастие в сочетании с местоименным либо именным субъектом в генетиве (форма *sdm.f* [Erman, 1901, S. 123]) или же причастие пассивное – в сочетании с таким субъектом в дативе (форма *sdm.n.f* [Sethe, 1910, S. 140; cf. Gardiner, 1927, p. 326–328, § 411]). Таким образом сформировалась семитологическая, по характеру ее категорий, парадигма описания египетского языка, а сам Эрман пришел к выводу о целой системе связей между египетским и семитскими языками (правда, признавая, что они постулированы в большей мере на сходстве структуры языков, нежели на лексических сходениях) [Erman, 1892].

Дело, однако, не свелось только к вопросам филологии. В докладе на заседании Прусской академии наук в 1900 г., подводившем своего рода итог достижениям «берлинской школы» (по завершении большей части труда Зетэ о глаголе), А. Эрман нарисовал яркую картину миграции в дописьменные времена из Аравии – «прародины семитов» (*das Stammland der Semiten*) – в Африку, в результате чего сформировались египетский язык, берберо-ливийские и «восточноафриканские» языки, а также языки хауса. Сравнивая эту миграцию с арабским завоеванием VII в., ученый констатировал, что она не привела к формированию единой культуры переселившихся племен: более того, если, по его мнению, «праегипетский язык» (*das Urägyptische*) был безусловно семитским, то в дальнейшем под влиянием субстрата, на который наложились миграция, он обогатился чуждой лексикой и изменил свой строй (именно так Эрман объяснял замену в нем «старшей флексии» «младшей») [Erman, 1900, S. 350–353; cf. Gardiner, 1900]. Контекст этого выступления Эрмана достаточно очевиден: без сомнения, оно лежит в русле тенденции панвавилонизма, занявшей серьезные позиции в немецком востоковедении на рубеже XIX–XX вв. [*Историография истории древнего Востока*, 2008, с. 575–577]⁷.

В статье о научном наследии В.С. Голенищева В.В. Струве в целом охарактеризовал пункты расхождения российского египтолога с постулатами «берлинской школы» [Струве, 1960, с. 27–35], однако сделал это на материале уже упомянутых публикаций – издания «Сказки о потерпевшем кораблекрушение» и статьи в сборнике к столетию открытия Шампольона. Между тем интересные сведения по этому вопросу предоставляют архивные материалы Голенищева. Египтологам давно известно, что к ним относится большой корпус рукописей и материалов к фундаментальному труду Голенищева о египетском синтаксисе, который остался незавершенным [Большаков, 2007, с. 9]. Его замысел Голенищев охарактеризовал в уже упомянутом письме к Брэстеду и в письме к Э. Дриотону, также написанном в 1922 г. (см. далее). Явления египетского синтаксиса он планировал классифицировать по шести большим темам: «Разделение» (*Disjunction*), «Вставные конструкции» (*Intercalation*), «Вводные конструкции» (*Parenthèse*), «Вынесение на первое место» (*Anticipation*), «Пролепсис» (*Prolepse*) и «Эллипсис» (*Ellipse*)⁸. Голенищев писал Брэстеду, что в классифицированном им материале египетских текстов есть «немало примеров, которые совсем не согласуются с грамматическими правилами, преподаваемыми Эрманом, Зетэ

⁷ Мы не беремся утверждать, что построение А. Эрмана было связано с тезисом немецкого африканиста К. Мейнхофа об особой хамитской языковой семье, носители которой якобы переселились в Африку из Азии и наслоились на местный негроидный субстрат [Дьяконов, 1967, с. 179–180, прим. 2; Ольдерогге, 1990, с. 66–68], но это вполне вероятно. По сути дела, и панвавилонизм, и «хамитская теория» были вариантами идеи культуртрегерства более передового народа, востребованной на подъеме германской колониальной экспансии.

⁸ Структура соответствующего раздела Архива Владимира Голенищева (EPHE_CWG_5GOL/06-14. *Projet de publication sur la syntaxe égyptienne*) выглядит несколько иначе: «Введение в египетский синтаксис» (EPHE_CWG_5GOL/06. *Introduction à la syntaxe égyptienne*), «Постпозитивное примыкание» (EPHE_CWG_5GOL/07. *Adjonction postpositive*), «Противление» (EPHE_CWG_5GOL/10. *Disjonction*), «Эллипсис» (EPHE_CWG_5GOL/11. *Ellipse*), «Вводные конструкции» (EPHE_CWG_5GOL/12. *Parenthèse*), «Пролепсис» (EPHE_CWG_5GOL/13. *Prolepse*), «Повторение» (EPHE_CWG_5GOL/14. *Répétition*).

и их сторонниками, но представляют огромный интерес для верного понимания египетских текстов», однако он не знает, успеет ли закончить свой труд по их обобщению⁹. По крайней мере первую из намеченных его частей – «Разделение» – Голенищев завершил настолько, что она была набрана в типографии и прошла корректуру трех версток (судя по особенностям шрифта, в типографии Французского института восточной археологии в Каире); однако остальные части так и остались в рукописи, в том числе на уровне первоначального сбора материала египетских текстов.

Причина, по которой рукопись этого труда не только проблематично опубликовать, но и трудно исследовать, очевидна: сформулировать на основе этого материала некие обязывающие выводы мог только сам Голенищев. В то же время для отечественных египтологов будут интересны относящиеся к этому корпусу наброски на русском языке. Среди доступных нам копий рукописей из раздела «Введение в египетский синтаксис» Архива Владимира Голенищева (см. наше прим. 8) есть в общей сложности четыре таких наброска, ни один из которых нельзя считать законченным; возможно, египтолог делал их для себя прежде, чем обратиться к написанию франкоязычного варианта введения к своему труду. Примечательно, что все они затрагивают одну и ту же тему – вызывающий возражения Голенищева постулат о близком родстве египетского языка с семитскими. Далее мы публикуем один из этих набросков – тот, который кажется наиболее законченным: он интересен тем, что здесь Голенищев выходит на обобщения высокого порядка, связанные с вопросом о происхождении египетского языка. Ученый не отрицает сходства некоторых частей речи в египетском и семитских языках, однако говорит, что если бы последние оказали на первый влияние, предполагаемое «берлинской школой», то много семитской лексики появилось бы уже в 3-м тыс. до н.э. в языке Текстов пирамид. При этом, по мнению Голенищева, египетский язык сохранил много исключительно простых черт и обнаружил большие возможности формообразования, что заставляет считать его строй не результатом изменения первоначального общесемитского языка, а, наоборот, пережитком гораздо более древнего этапа языкового развития. «Первобытный язык», от которого должны были отделиться как египетский, так и семитские языки, вероятнее всего, еще не выработал характерные черты последних, причем его особенностью вполне могли быть «двубуквенные корни» глаголов, преобладавшие, как считал Голенищев, в египетском языке, но, по его мнению, характерные в определенной пропорции и для семитских языков (ср. [Golénischeff, 1912, p. 129; 1922, p. 685–686]). Таким образом, Голенищев фактически ставил вопрос о происхождении египетского и семитских языков от языка-предка, который в современной науке называют афразийским, не прибегая при этом к не оправдавшемуся представлению о его принадлежности к хамитским языкам, якобы объединявшим родственные семитским языки Африки (см. наше прим. 7). Для сравнения стоит сказать, что в середине 1930-х гг. корреспондент Голенищева Г. Лефевр в статье о происхождении египетского языка не только употреблял, хотя и несколько условно, термин «хамитский язык», но и связывал его происхождение с миграцией семитов в Африку, модернизируя теорию Эрмана [Lefebvre, 1936, p. 289].

Другая категория личных материалов В.С. Голенищева, дающая представление о его филологических взглядах, – это его переписка с египтологами. Ее массив чрезвычайно обширен, и понятно, что филологические сюжеты затрагиваются в ней постоянно, однако

⁹ Du reste, dans les matériaux grammaticaux que j'ai peu à peu amassé chez moi, j'ai trouvé encore pas mal d'autres points, qui ne sont pas tout-à-fait conformes aux règles grammaticales enseignées par Erman, Sethe et leurs partisans, mais qui tous présentent un intérêt capital pour la juste compréhension des textes égyptiens. C'est dans des notes que j'ai classés sous les rubriques: Disjonction, Intercalation, Parenthèse, Anticipation, Prolepse et Ellipse, que j'ai ramassé une foule de remarques, mais, pour le moment, je ne sais pas ni où, ni quand mon ouvrage pourrait paraître et si même jamais, pendant ma vie, je vais le voir imprimé. Malgré cela je ne me laisse pas décourager et je continue, autant que je peux à compléter mes matériaux.

это прежде всего конкретные пассажи египетских текстов, а не теоретические проблемы. Мы уже сказали, что дискуссии по ним отсутствуют в переписке Голенищева с Эрманом, точно так же обстоит дело и в его многолетней переписке с А.Х. Гардинером¹⁰ (вполне возможно, также по нежеланию Голенищева обсуждать не слишком приемлемые для него взгляды Гардинера – ученика Зетэ, во многом продолжившим линию «берлинской школы»). Однако более целенаправленно Голенищев обращается к вопросам теории в письмах, написанных в порядке реакции на некоторые только что вышедшие труды египтологов младшего поколения.

Одно из таких писем было адресовано Э. Дриотону (1889–1961) – канонику католической церкви и будущему ведущему египтологу Франции. Его черновик в Архиве Владимира Голенищева не датирован, однако дата легко устанавливается по хранящемуся вместе с ним письму самого Дриотона от 17 июня 1922 г., где идет речь о присылке Голенищеву экземпляра «Курса египетской грамматики», созданного французским ученым для студентов Католического института [Drioton, 1922]¹¹. Интерес русского египтолога к этому изданию понятен, поскольку и по современным оценкам оно считается первым за долгое время оригинальным французским учебником египетского языка, сменившим переводы «Египетской грамматики» Эрмана [Bierbrier, 2019, p. 134–135]. Письмо начинается с комплиментов Дриотону, построившему свой курс на множестве примеров из египетских текстов разных категорий: «Я был счастлив возможности увидеть в вас не только коллегу, любящего, как и я, анализировать египетские тексты, но также ученого, который, не сомневаюсь, стремится при помощи продуманного исследования текстов осмыслить в критическом ключе все то, что до сих пор было представлено в области египетской грамматики»¹². Голенищев видит в Дриотоне «непредубежденный ум», от которого «слабые пункты некоторых утверждений, которые встречаются в грамматиках, основанных в основном на исследованиях Эрмана и Зетэ... не могли ускользнуть», и в первую очередь спрашивает, твердо ли тот верит «в существование в египетском языке глаголов с конечным слабым согласным»¹³. Здесь Голенищев возвращается к предположению, сформулированному еще в глоссарии к «Сказке о потерпевшем кораблекрушение», согласно которому формант -y- после глагольной основы и перед субъектом придает глаголу значение начала соответствующего действия либо его повторяемости и/или интенсивности [Golénischeff, 1912, p. 123–128]. То, что -y- не корневой слабый согласный основы глагола, а именно добавляемый к ней формант, Голенищев показывал примерами образования при его помощи глаголов от имен существительных или прилагательных (*nswy:f* «он был (или стал) царем», *ʕy* + субъект «он стал великим» и т.п.)

¹⁰ В Архиве Владимира Голенищева в Париже она представлена письмами Гардинера и черновиками ряда писем Голенищева (EPHE_CWG_5GOL/01). «Беловики» писем Голенищева хранятся в фонде А.Х. Гардинера в Архиве Института Гриффита в Оксфорде (Gardiner MSS AHG 142.112).

¹¹ Оба письма хранятся в разделе Архива Владимира Голенищева EPHE_CWG_5GOL/01. Черновик письма Голенищева – 11 листов текста черными чернилами, из которых единый связный текст составляют 8 последовательно пронумерованных листов.

¹² J'étais heureux de pouvoir reconnaître en vous non seulement un collègue aimant comme moi à analyser les textes égyptiens, mais aussi un savant, qui, je ne doute pas, cherche au moyen d'une étude raisonnée des textes à aborder d'une manière critique tout ce qui a été fourni jusqu'à ce jour dans le domaine de la grammaire égyptienne. Здесь и далее, цитируя черновики писем Голенищева, мы не оговариваем присутствующие в них исправления.

¹³ Pour un esprit non préconçu, comme doit être le vôtre, Monsieur l'Abbé, les points faibles de certaines affirmations qu'on trouve dans les grammaires basées principalement sur les recherches d'Erman et de Sethe, ne peuvent pas, j'en suis sûr, avoir échappé. Pour n'en parler que de quelques-uns, permettez-moi de vous poser la question, si par exemple, vous croyez *fermement* à l'existence en égyptien de verbes à consonne finale faible? Ср. более раннее замечание Голенищева в письме Б.А. Тураеву от 16(29) мая 1910 г.: «...уклончивое мое отношение к выкраиванию каких-то глаголов *tertiae infirmae* из безобидных двубуквенных глаголов, не имеющих никакого отношения к глаголам *tertiae infirmae* семитической группы языков...» [Выдающийся русский востоковед..., 1987, с. 216].

[Golénischeff, 1912, p. 123], и в точности этот аргумент он приводит в письме Дриотону. По его мнению, также отраженному в глоссарии к «Сказке...», как использование этого форманта, так и геминация конечного согласного основы глагола служили для усиления его значения в конкретном контексте, а не для подчиняющегося определенным закономерностям образования форм с закрепленным временным значением (имперфекта и перфекта «берлинской школы»)¹⁴.

Вторая тема письма Голенищева Дриотону – это понимание глагольной формы, обозначенной в свое время Эрманом как «псевдопартицип». По словам русского египтолога, готовя свою «очень интересную» статью (несомненно [Erman, 1889]), глава «берлинской школы» чувствовал, что имеет дело с причастием, однако не решился признать, что эта форма представляет собой «истинное причастие, особенностью которого в египетском языке была способность принимать окончания в случае, когда оно согласовывалось с субстантивом мужского или женского рода или с местоимением 3, 2 или 1 лица мужского или женского рода в единственном или множественном числе»¹⁵, поскольку был под впечатлением сходства окончаний этой формы с окончаниями семитского перфекта. Однако внешнее сходство этих глагольных форм не должно означать тождества их значения, о чем Голенищев писал в своей статье 1922 г., приводя примеры из системы глагола ассирийского диалекта аккадского языка¹⁶. Письмо Дриотону добавляет к аргументации Голенищева еще один немаловажный аспект: «Нет сомнения, что между семитским перфектом и египетским псевдопартиципом есть связь, но вопрос, который, вероятно, никогда не может быть выяснен точно, состоит в том, была ли в протосемитском языке (от которого египетский язык отделился прежде, чем сформировались семитские языки с их трехбуквенной системой) глагольная форма, напоминавшая то, что в семитских языках называют “перфект”, с самого начала перфектом или же она была, как это имеет место в египетском языке, простым причастием»¹⁷. Вторая возможность явно ближе Голенищеву, однако прежде все-

¹⁴ «И как он (Зетэ. – И.Л.) мог бы объяснить со своей теорией образование при помощи окончания 𐤒𐤒 глаголов, производных от существительных или прилагательных (как, например, 𐤒𐤒𐤓𐤒, 𐤒𐤒𐤓𐤒), объяснить иные примеры, которые я привел в глоссарии к моему “Потерпевшему кораблекрушению”? Поскольку усиленное значение глагола с удвоением конечного звука (действие привычное, длительное и т.д.) теперь более или менее широко признано моими коллегами в египтологии, как можно еще считать, что в такой-то и такой-то глагольной форме корни, подверженные возможному удвоению конечного звука, должны непременно появляться в форме с удвоением и никак иначе?» (Et comment avec sa thorie pourrait-il expliquer la formation à l’aide de la terminaison 𐤒𐤒 de verbes dérivés de substantifs ou d’adjectifs (comme p<ar> ex<emple> 𐤒𐤒𐤓𐤒, 𐤒𐤒𐤓𐤒), expliquer les autres exemples que j’ai cités dans le glossaire de mon “Naufragé”? Depuis que la valeur renforcée du verbe à finale redoublée (action habituelle, durable etc.) a été maintenant plus ou moins généralement admise par mes collègues en égyptologie, comment pourrait-on encore maintenir ce dans telle et telle forme verbale les racines sujetées au redoublement éventuel de leur finale, devaient absolument apparaître dans la forme redoublée et non pas autrement!). Неясно, кого Голенищев имеет в виду в данном контексте. Правда, Эд. Навиль учел данное мнение русского египтолога, но это было сделано вскользь [Naville, 1920, p. 25], а «Египетская грамматика» А.Х. Гардинера, где оно действительно легло в основу объяснения явления геминации (см. [Gardiner, 1927, p. 351 (§ 438), not. 1, со ссылкой на: Golénischeff, 1912, p. 61–64, not. 2]), еще не появилась.

¹⁵ Lorsque Erman écrivit son très intéressant premier article sur le soi-disant pseudoparticipe égyptien, il sentait bien que sa valeur ordinaire était celle d’un participe seulement, comme les terminaisons qui ce participe pouvait prendre rappelaient de près les terminaison de parfait sémitique, Erman n’a pas pu se décider à voir dans cette forme verbale un vrai participe ayant en égyptien la particularité de pouvoir prendre des terminaisons selon le cas où il se rapportait soit à un substantif masculin ou féminin soit à un pronom de la 3ème, de la 2ème ou de la 1ère personne du masculin ou de féminin du singulier ou pluriel.

¹⁶ По его мнению, «ассирийский глагол» заимствовал форму «второго аориста» (имперфекта) из других семитских языков, перенес на нее реальное значение «первого аориста» (перфекта) [Golénischeff, 1922, p. 687].

¹⁷ Qu’il y a relation entre le parfait sémitique et le pseudoparticipe égyptien, et n’y a aucun doute, mais la question, qui probablement ne pourra jamais exactement être tranchée, c’est à savoir si dans le protosémitique (du quel s’était détaché l’égyptien avant que ne se soient développés les langues sémitiques avec leur système trilitère) la forme verbale

го его рассуждение показывает реальную направленность его полемики с Эрманом: она ведется не против конкретных наблюдений немецкого египтолога, а относительно общей реконструкции им генезиса египетского языка, который было неоправданно связывать с явлениями семитских языков уже исторического времени.

Наконец, третья тема обсуждаемого письма – трактовка предложений, построенных по моделям «глагольная основа – субъект» и «субъект – глагольная основа». По мнению Голенищева и вопреки позиции «берлинской школы», предложения этих моделей не были равнозначны в составе сложного предложения: если первые употреблялись в главных предложениях, то вторые – только в придаточных. Этот сюжет затрагивается в статье Голенищева [Golénischeff, 1922, p. 688–689], а также в его переписке 1913–1914 гг. с А.Х. Гардинером [Изосимов, Скоробогатова, 2022]. В письме к Дриотону Голенищев говорит об этом вопросе немного, однако его упоминание наряду с крупными проблемами обозначает его существенность. Такое восприятие этого сюжета Голенищевым следует из его общего представления о том, что ключевым в изучении египетского языка было установление не морфологии, а синтаксиса, с серьезным вниманием к стилистике конкретных текстов.

К теоретическим вопросам египетского языка Голенищев обращается и в письме к французскому египтологу Г. Лефевру (1879–1957). После контакта двух ученых во время исследования гробницы Петосируса (см. выше) между ними сложились теплые, типичные для Голенищева при его доброжелательном складе характера, отношения. Интересующее нас письмо написано в Ницце 14 сентября 1936 г.¹⁸ после знакомства Голенищева с уже упоминавшейся статьей Лефевра «О происхождении египетского языка» [Lefebvre, 1936]. Эта статья примечательна предпринятой в ней попыткой приобщить к изучению египетского языка сравнительно новые наработки в области языкознания (работы М. Коэна, М. Вычихла, Э. Цыларжа и др.), хотя ее интенцию все же составлял поиск компромисса между этими наработками и постулатам «берлинской школы». К этому времени А.Х. Гардинер уже сформулировал в «Египетской грамматике» свою версию происхождения основы обеих основных форм местоименно-суффиксного спряжения (и *sdm.f*, и *sdm.n.f*) от пассивного причастия [Gardiner, 1927, p. 326–328, § 411], и она вызвала у Голенищева не больший энтузиазм, чем гипотезы Эрмана и Зетэ:

На страницах 283/284 я не могу следовать за вами, когда вы говорите, что, как кажется, надежно установлено, что *sdm* в глагольной форме *sdm.f* должен, согласно Эрману и Гардинеру (и Зетэ) объясняться как причастие. Я не вижу с определенностью, почему объяснения глагольной формы , поддерживаемые этими египтологами, предпочтительны по сравнению с тем, что усматривает в этой глагольной форме соединение глагольного корня (именного значения) с притяжательным суффиксом. Объяснение «слышимый кого-то (=кем-то)» или «тот, кто слышит» в смысле «он слышит, слышащий (и будет слышать)», разумеется, не более и не менее приемлемо, чем объяснение «его слышание», которое было бы тем, что называют «язык маленького негра», в смысле «он слышит» (ср. «его жизнь» и: «он живет»). К тому же, вы сами замечаете в связи с объяснением Эрмана, что конструкция, которую он думает, что опознает в , «противоположна египетскому синтаксису»...

ressemblant à ce qu'on rappelle le "Parfait" dans les langues sémitiques a été dès le commencement véritablement un parfait ou si elle a été, comme c'est le cas en égyptien, un simple participe.

¹⁸ EPHE_CWG_5GOL/01. Черновик письма – 3 листа текста черными чернилами с исправлениями, несомненно, фиксирующие окончательный вариант письма.

Гипотеза Гардинера мне также кажется малопривлекательной¹⁹. В любом случае, не следует забывать, что все это чистые допущения, которые, быть может, никогда не смогут быть строго доказаны...²⁰

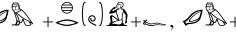
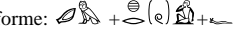
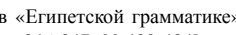
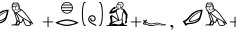
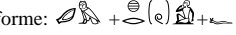
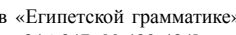
Далее Голенищев выражает сомнение в связи с гипотезой Ф. Лексы о происхождении частиц *hr*, *k3* и *in*, употребляемых также в качестве инфиксов глагольных форм, от глаголов с базовым значением «говорить», которые могли использоваться в качестве вспомогательных (эта гипотеза кажется ему недостаточно обоснованной²¹; cf. [Lexa, 1923–1924; Lefebvre, 1936, p. 285–286]). Кроме того, в связи с апелляцией Лефевра к тезису Зетэ о преобладании в египетском языке трехсложных корней и, соответственно, о его семитской специфике [Lefebvre, 1936, p. 270], Голенищев упрекнул своего корреспондента в невнимании к сравнительному материалу языков, которые тот называл «хамитскими»: так, трехсложные корни встречаются не только в семитских языках, но и в языках туарегов, беджа и берберском. Однако именно экскурс в вопрос о природе основы египетского глагола наиболее значим в этом письме: несколько стуженно Голенищев повторил свою мысль в письме А.Х. Гардинеру от 10 августа 1937 г.²², и, думается, именно она отвечает его представлению о простоте и архаизме строя египетского языка.

Подводя итог наблюдениям над филологическими представлениями В.С. Голенищева, стоит сравнить их с оценкой места египетского языка в афразийской семье, которую дал спустя двадцать лет после его смерти, пожалуй, наиболее авторитетный специалист в этой области – И.М. Дьяконов [Дьяконов, 1967; ср. также Дьяконов, 1991]. Он считал наиболее вероятной изначальную двусогласность афразийских глагольных корней, а добавление к ним конечных слабых согласных – симптомом более позднего формообразования; при этом двусогласность многих египетских корней явно была реликтом общеафразийского состояния [Дьяконов, 1967, с. 196–200]. «Псевдопартицип» египетского языка Дьяконов сопоставлял не с перфектом, а со стативом аккадского языка, что соответствует и термину, обозначающему эту глагольную форму в современной египтологии; форманты же статива могут рассматриваться как разновидность суффиксальных местоимений прямого падежа [Дьяконов, 1967, с. 241–242; Loprieno, 1995, p. 74], что по-своему близко представлению Голенищева об этой форме как о «спрягаемом причастии». Дьяконов уверенно

¹⁹ Характерным образом в письме А.Х. Гардинеру от 10 февраля 1927 г. (Gardiner MSS AHG 142.112.14) с благодарностью за присылку вновь вышедшей «Египетской грамматики» Голенищев говорит об интересе к ее отличиям от постулатов «берлинской школы», но обсуждает лишь сугубо частный вопрос (об отенке модальности в форме *n sdm.n.f* – передаче ею невозможности действия; cf. [Gardiner, 1927, p. 332–334, § 418]). Мы не заметили обсуждения теоретических аспектов этого труда в дальнейшей переписке двух ученых.

²⁰ Aux pages 283/284 il m'est impossible de vous suivre, quand vous dites qu'il semble *bien* établi que *sdm*, dans la forme verbale *sdm.f* doit après Erman et Gardiner (et Sethe) s'expliquer comme un participe. Je ne vois pas nettement, pourquoi les explications de la forme verbale , soutenues par ces égyptologues, soient préférable à celle qui verrait, dans cette forme verbale, la réunion d'une racine verbale (valeur nominale) avec un suffixe possessif. L'explication de "entendu de (=par) lui" ou "un-qui-entend, lui" pour "il entend, entendait (et entendra)" n'est certainement ni plus ni moins acceptable, que l'explication "son entendre", qui serait ce qu'on appelle "du petit nègre" pour: "il entend" (cf. "sa vie" et: "il vit"). Du reste, à l'explication d'Erman, vous faites vous-même la remarque, que la construction qu'il croit reconnaître dans est "contraire à la syntaxe égyptienne"...

L'hypothèse de Gardiner me paraît aussi peu tentante. Dans tous les cas, il ne faut pas oublier que ce sont là de pures suppositions, qui peut-être jamais ne pourront être rigoureusement prouvées...

²¹ «...не удастся выяснить, не было ли всего по одному примеру с формой: , , и т.д.» (...on n'aura pas trouvé ne fût-ce qu'un seul exemple ayant la forme: , , etc.). Неясно, что имеет в виду Голенищев, поскольку уже в «Египетской грамматике» А.Х. Гардинера приводится ряд примеров данных глагольных форм [Gardiner, 1927, p. 346-347, §§ 430-434].

²² Gardiner MSS AHG 142.112.7; см. [Изоцимов, Скоробогатова, 2022].

констатировал посессивный характер египетской глагольной конструкции (что соответствует оценке Голенищевым позиции местоименно-суффиксного субъекта при глаголе) [Дьяконов, 1967, с. 220, 247, прим. 127], однако все же принимал восходящую к «берлинской школе» версию В. Вестендорфа о причастной природе египетской глагольной основы (см. [Westendorf, 1953]; явно ближе мнению Голенищева о ее именной природе позиция В. Шенкеля: [Schenkel, 1975]). Наконец, наличие в египетском языке местоименно-суффиксного спряжения Дьяконов справедливо считал его особенной чертой, говорящей о его раннем отделении от общеафриканского (конечно, не от общесемитского) единства. Правда, Дьяконов полагал, что такой тип спряжения вытеснил существовавшее в египетском языке изначально, как и в других африканских языках, префиксальное спряжение; вместе с тем, хотя и в качестве вызывающей сомнения альтернативы, он рассматривал возможность того, что местоименно-суффиксное спряжение было для африканцев исконным и возникло «непосредственно из доглагольной стадии» (допущение, практически тождественное позиции Голенищева!) [Дьяконов, 1967, с. 248]. Примечательно, что, хотя И.М. Дьяконов, безусловно, ориентировался на работы своих коллег – ленинградских египтологов, в т.ч. М.Э. Матье, которая испытала определенное влияние работ В.С. Голенищева [Дьяконов, 1967, с. 220, прим. 95; ср. Матье, 1952; Струве, 1960, с. 31, прим. 133], непосредственно их он все же не знал и, разумеется, строил свои суждения на неизмеримо более обширном, чем их автор, сравнительном материале. В таком случае совпадение их суждений показывает, что глубокое знание египетского языка и трезвость в применении сравнительного материала в его исследованиях позволили В.С. Голенищеву, отчасти интуитивно, прийти к тем выводам о его происхождении и месте в системе родственных языков, которые оправдались в науке спустя десятилетия.

***

Владимир Семенович Голенищев

[Египетский синтаксис. набросок к введению]²³

Когда, в своей замечательной работе о так называемых лжепричастиях, Эрман впервые установил соотношение окончаний этих причастий в роде и числе с теми существительными или местоимениями, которые этим причастиям приходилось определять в предложении, он увлекся сходством подмеченных им окончаний с окончаниями семитических глаголов в первом аористе (*Perfectum*) и пришел к не совсем верному²⁴ заключению, будто египетские лжепричастия первоначально также имели тот же смысл, как и семитический аорист, и что, поэтому, они должны рассматриваться по существу²⁵ как²⁶ личные формы глагола и притом более древние, чем глагольные формы, состоящие из глагольной основы и следующего за ней подлежащего. В подтверждение своего мнения Эрман привел несколько примеров, почерпнутых отчасти из текста²⁷ пирамид, но переводы этих примеров²⁸, как нами будет

²³ Текст на 2 листах большого формата, черными чернилами с небольшими вписываниями карандашом. Публикуется в современной орфографии, с сохранением авторской пунктуации, если она не противоречит современной.

²⁴ Вписано вместо «точному».

²⁵ Вписано сверху.

²⁶ Вычеркнуто: древние первоначальные.

²⁷ Ед.ч. в рукописи. Имеются в виду Тексты пирамид конца V–VI династий (ок. XXIV–XXIII вв. до н.э.).

²⁸ Вписано сверху вместо «его».

указано, не могут считаться безусловно верными и никоим образом не подтверждают отстаиваемой им точки зрения.

Конечно, не дерзая поколебать тот догмат, будто семитические языки *ab ovo* проявились в мире сем с теми особенностями, которые их отличают от других групп языков, Эрман иначе и не мог объяснить сходство окончаний так называемых²⁹ египетских лжепричастий с окончаниями семитического первого аориста. Но что знаем мы³⁰ о том, каковы были семитические языки той эпохи, когда слагались³¹ древние священные тексты³², впоследствии³³ начертанные³⁴ по стенам внутренних покоев саккарских пирамид, а, тем более, каков мог быть тот первобытный, скажем *протосемитический*, язык, из которого развились, с одной стороны, отдельные группы семитических языков, а с другой, египетский язык, там и сям обнаруживающий некоторые точки соприкосновения с известными нам семитическими языками, но в общем столь отличный от этих последних?

Если мы³⁵ принимаем во внимание известную долю³⁶ семитизма в египетских лжепричастиях, в некоторых независимых местоимениях, местоименных конечных приставках, числительных и т.д., мы конечно должны признать какое-то отдаленное родство египетского языка с семитическими языками, но ведь строй египетского языка в своей совокупности и, за немногими исключениями, весь обширный его запас слов настолько умахают это сходство, что мы неминуемо должны признать, что тот первобытный язык, от которого отделился египетский язык, еще далеко не выработал в себе таких³⁷ характерных особенностей, какие³⁸ связывают между собой языки, известные у нас под именем семитических.

И действительно, если бы семитизм, со всеми его характерными особенностями, был совсем установлен в языке, являющимся родоначальником египетского языка, то почему бы³⁹ в древнейших текстах мы не наталкивались на большее количество слов семитического строя, на большее количество семитических форм, чем в позднейших надписях, где, пожалуй, первоначальные семитические слова могли бы быть заменены другими, новоиспеченными или заимствованными от других народов, соседних с Египтом, и где первоначальные семитические формы могли бы быть просто-напросто⁴⁰ забыты. В действительности ничего подобного мы в древнейших надписях не замечаем. Большинство слов в пирамидных надписях⁴¹ не родственны с семитическими – часть из них двубуквенные, а часть трехбуквенные и даже четырехбуквенные корни. Грамматических же форм, напоминающих семитические, тут ничуть не больше, чем в более поздних надписях.

Итак, приняв во внимание⁴² как семитические черты в египетском языке, так и громадную разницу⁴³ в лексическом и грамматическом отношениях между египетским и семитическими языками, мы неминуемо должны прийти к тому заключению⁴⁴, что египетский

²⁹ Вписано вместо «названных им».

³⁰ Перестановка слов вместо «мы знаем».

³¹ Вычеркнуто «те».

³² Вычеркнуто «которые».

³³ Вычеркнуто «были».

³⁴ Изменено из «начертаны».

³⁵ Вычеркнуто «замечаем».

³⁶ Вписано сверху начиная с «принимаем...».

³⁷ Вписано вместо «тех».

³⁸ Вписано вместо «которые».

³⁹ Вписано сверху.

⁴⁰ Вписано сверху.

⁴¹ Вписано сверху начиная с «в...».

⁴² Вписано сверху карандашом «сопоставив присутствие семитических черт».

⁴³ Вписано сверху карандашом «с громадной разницей».

⁴⁴ Вписано вместо «результату».

язык отделился значительно раньше, нежели семитические языки, от того древнего языка, который был их общим родоначальником, и что египетский язык не⁴⁵ почерпнул⁴⁶ из него всех⁴⁷ характерных черт семитических языков⁴⁸, так как их⁴⁹ в нем еще не существовало во время отделения египетского языка, но они⁵⁰ в нем выработались впоследствии, а именно к тому времени⁵¹, когда из него образовались отдельные семитические языки. Поэтому, если мы в египетском языке встречаем некоторые семитизмы, мы далеко не принуждены⁵² признать, что все характерные особенности семитических языков обязательно должны иметься налицо в египетском языке. С другой стороны, мы не можем также упускать из виду и того⁵³, что не⁵⁴ все грамматические формы семитических языков обязательно являлись в протосемитическом языке с тем же значением, с каким мы их встречаем в настоящее время в известных нам семитических языках. Так, например, окончательное значение обоих семитических аористов, по-видимому, не совсем ясно еще⁵⁵ было установлено в период, когда от общего семитического ствола отделилась ассиро-вавилонская ветвь⁵⁶, так как та форма глагола, которая в еврейском, арабском и других западных семитических языках стала означать несовершенное действие, т.е. второй аорист (Imperfectum), в ассиро-вавилонском языке приняла значение первого⁵⁷ аориста (Perfectum), т.е. означала действие совершенное. Точно так же при исследовании роли египетских лжепричастий нам нечего стесняться его⁵⁸ сходством с семитическим первым аористом (Perfectum), и, если мы найдем, что оно употреблялось в египетском языке в ином смысле, чем тот, который присущ первому семитическому аористу, нам не к чему будет насиловать примеры, чтобы доказать, что египетское лжепричастие является древнейшей личной формой египетского глагола, которая будто бы со временем утратила первоначальное значение первого аориста (Perfectum). Напротив того, значение египетского лжепричастия должно объяснить нам первоначальное значение семитического первого аориста (Perfectum)⁵⁹, тем более что в ассиро-вавилонском языке этот аорист, замененный в повествовательной речи вторым аористом (Imperfectum), играет роль, несколько напоминающую роль египетского лжепричастия.

Пора теперь⁶⁰ раз навсегда надо⁶¹ покончить с пугалом общесемитического языка, праотца египетского языка. Это пугало, с ясно очерченным характером, должно уступить место расплывчатому существу, еще не принявшему общесемитической окраски, но имеющему уже в зачатках многие из характерных черт семитизма. О количестве этих черт, конечно, можно с большим или меньшим вероятием догадываться, исследуя взаимные отношения с одной стороны египетского, а с другой – всех семитических языков. Но делать заключения

⁴⁵ Вычеркнуто «мог».

⁴⁶ Изменено из «почерпнуть».

⁴⁷ Вписано вместо «тех».

⁴⁸ Вписано сверху.

⁴⁹ Вписано вместо «которых».

⁵⁰ Вписано вместо «которые».

⁵¹ Вписано сверху начиная с «а...».

⁵² Вписано вместо «можем».

⁵³ Вписано сверху и снизу вместо «Кроме того, неосновательно также предположение». Повторной правкой вписано «мы не можем» вместо «не следует».

⁵⁴ Вписано сверху.

⁵⁵ Вписано сверху.

⁵⁶ Вставка, вписанная ниже, начиная с «...».

⁵⁷ Вписано вместо «второго».

⁵⁸ Согласование в ед.ч. в рукописи.

⁵⁹ Вписано сверху.

⁶⁰ Вписано сверху вместо «вообще».

⁶¹ Так в рукописи.

о том, что египетский язык – язык семитический потому только, что он заключает в себя несколько семитизмов, по меньшей мере неосторожно, и уже совершенно неосновательно желание Эрмана, Штейндорфа⁶², Сета⁶³ и других германских ученых доказать тщательно проведенную трехбуквенность в египетском глаголе, вплоть до присутствия слабых конечных согласных в этих глаголах, тогда как наперекор семитическим глаголам⁶⁴ эти предполагаемые слабые согласные в египетских глаголах⁶⁵ нигде правильно не проявляют своего существования, ни в спряжении, ни при образовании отглагольных существительных⁶⁶. Кроме того, присутствие в семитических языках некоторого, хотя и очень ограниченного количества двубуквенных корней указывает на отдаленный доисторический период языка, в котором, как в египетском языке, действительно существовали двубуквенные корни, большая часть которых с течением времени превратилась в семитических языках в трехбуквенные при помощи ли удвоения второй согласной, или присоединения слабых согласных к концу двубуквенного корня, или наконец...⁶⁷

Вообще⁶⁸ ошибочно рассматривать египетский язык как пережиток какого-то более совершенного протосемитического языка: в строе египетского языка, насколько он нам теперь известен, столько простоты, а в образовании основных форм глагола столько прозрачности и столько свежей способности к образованию новых форм, что невольно приходишь к убеждению, что в нем сохранилась масса первобытного, которое до неузнаваемости сгладилось в семитических языках. Египетский язык, можно сказать, сохранил почти в неприкосновенности очень древнюю форму речи, а не дошел до этой простоты благодаря какому-либо⁶⁹ внутреннему разложению или утрате каких-либо первоначально удобопонятных образовательных элементов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

Breasted – *Breasted, James Henry. Papers. Oriental Institute of the University of Chicago. Museum Archives.* <https://oi-idb.uchicago.edu/id/d8e8c040-8c22-43e6-8233-4555bbe09be4> (accessed: 31.10.2021).

Gardiner MSS – *The Griffith Institute Archive, Oxford. Alan Henderson Gardiner Collection.* <https://archive.griffith.ox.ac.uk/index.php/alan-henderson-gardiner-collection> (accessed: 31.10.2021).

EPHE_CWG_5GOL – *Archives et collections iconographiques du Campus Condorcet, Paris. Golénischeff, Wladimir.* <http://www.calames.abes.fr/pub/#details?id=Calames-2019131151234168> (accessed: 31.10.2021).

Erman-NL-Goleniščev – *Staats- und Universitätsbibliothek Bremen. Nachlass Adolf Erman. Goleniščev, Vladimir S.* <https://brema.suub.uni-bremen.de/erman/nav/classification/2501114> (accessed: 31.10.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Большаков А.О. Голенищев и мы. *Петербургские египтологические чтения–2006. К 150-летию со дня рождения В.С. Голенищева. Доклады.* Под ред. А.О. Большакова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 5–13 [Bol'shakov A.O. Golenishchev and Us. *St. Petersburg Egyptological Readings – 2006.*

⁶² Г. Штейндорф (1861–1951) – ученый «берлинской школы», ученик А. Эрмана, в филологии – исследователем коптского языка [Bierbrier, 2019, p. 443].

⁶³ Так в рукописи, несомненно, имеется в виду К. Зетгэ.

⁶⁴ Вписано сверху и снизу, начиная с «тогда...», вместо «в которых, однако».

⁶⁵ Вписано снизу начиная с «в...».

⁶⁶ Следующий пассаж до конца абзаца – вписанная снизу вставка.

⁶⁷ Так оборвано в рукописи.

⁶⁸ Восстановлено вместо исправления «Безусловно».

⁶⁹ Вписано сверху.

Commemorating 150th Anniversary of V.S. Golenishchev. Papers. Ed. A.O. Bol'shakov. St. Petersburg: The State Hermitage Publishers, 2007. Pp. 5–13 (in Russian)].

Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в музей изящных искусств (1909–1912). Под ред. И.Е. Даниловой. М.: Советский художник, 1987 [*Outstanding Russian Orientalist V.S. Golenishcheff and the Acquisition of His Collection for the Museum of Fine Arts: 1909–1912.* Ed. I.E. Danilova. Moscow, Sovetskii khudozhnik, 1987 (in Russian)].

Дьяконов И.М. *Языки древней Передней Азии.* М.: Наука, 1967 [Diakonoff I.M. *Languages of the Ancient Near East.* Moscow: Nauka, 1967 (in Russian)].

Дьяконов И.М. Афразийские языки: Введение. *Афразийские языки. Кн. 1: Семитские языки.* М.: Наука, 1991. С. 5–69 [Diakonoff I.M. Afroasiatic Languages: Introduction. *Afroasiatic Languages.* Vol. 1: *Semitic Languages.* Moscow: Nauka, 1991. Pp. 5–69 (in Russian)].

Изосимов Д.А., Skorobogatova П.Д. Проблемы перевода с египетского языка в переписке между В.С. Голенищевым и А.Х. Гардинером. *Shagi/Steps.* 2022 (в печати) [Izosimov D.A., Skorobogatova P.D. The Issues of Translation from Egyptian in the Correspondence between W.S. Golénischeff and Sir A.H. Gardiner. *Shagi/Steps.* 2022 (in print; in Russian)].

Историография истории древнего Востока. Т. 1. Под ред. В.И. Кузищина и др. М., Высшая школа, 2008. [The *Historiography of the History of Ancient Orient.* Vol. 1. V.I. Kuzishchin et al. (eds.). Moscow: Vysshaya shkola, 2008 (in Russian)].

Ладынин И.А. В.С. Голенищев и открытие гробницы гермопольского жреца Петосириса в Туна эль-Гебель в 1919–1920 гг. *Shagi/Steps.* 2021(1). Т. 7. № 4. С. 54–79 [Ladynin I.A. Vladimir Golenishcheff and the Discovery of the Tomb of the Hermopolitan Priest Petosiris at Tuna el-Gebel in 1919–1920. *Shagi/Steps.* 2021. Vol. 7. No. 4. Pp. 54–79 (in Russian)].

Ладынин И.А. Война, революция и египтология: переписка Эд. Навилля и В.С. Голенищева в 1916–1921 гг. *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви.* 2021(2). Вып. 98. С. 74–92 [Ladynin I.A. War, Revolution and Egyptology: Letters of Eduard Naville and Vladimir Golenishchev (1916–1921). *St. Tikhons's University Review. Series II: History. Russian Church History.* 2021. Vol. 98. Pp. 74–92 (in Russian)].

Матье М.Э. Основные черты древнеегипетского глагола. *Ученые записки ЛГУ.* 1952. № 128. С. 212–220 [Matthieu M.E. Main Features of the Ancient Egyptian Verb. *Transactions of the Leningrad State University.* 1952. No. 128. Pp. 212–220 (in Russian)].

Ольдерогге Д.А. *История изучения африканских языков.* М.: Наука, 1990 [Olderogge D.A. *History of the Research of the African Languages.* Moscow: Nauka, 1990 (in Russian)].

Струве В.В. Значение В.С. Голенищева для египтологии. *Очерки по истории русского востоковедения.* Под ред. В.И. Авдиева, Н.П. Шастиной. Вып. 3. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. С. 3–69 [Struve V.V. The Importance of W.S. Golénischeff for Egyptology. *Essays on the History of Russian Oriental Studies.* V.I. Avdiev, N.P. Shastina (eds.). Vol. III. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960. Pp. 3–69 (in Russian)].

Ägyptologie als Wissenschaft. Adolf Erman (1854–1937) in seiner Zeit. Ed. B.U. Schipper. Berlin; New York: De Gruyter, 2006.

Bierbrier M.L. *Who Was Who in Egyptology.* 5th revised ed. London: Egypt Exploration Society, 2019.

Drioton É. *Cours de grammaire égyptienne: à l'usage des étudiants de l'Institut Catholique.* Nancy: Librairie catholique Drioton père & fils, 1922.

Erman A. Eine neue Art der ägyptischen Conjugation. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde.* 1889. Bd. 27. S. 65–84.

Erman A. *Die Sprache des Papyrus Westcar: eine Vorarbeit zur Grammatik der älteren ägyptischen Sprache.* Göttingen: Dieterich, 1890.

Erman A. Das Verhältnis des Ägyptischen zu den semitischen Sprachen. *Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft.* 1892. Bd. 46. S. 93–129.

- Erman A. Die Flexion des ägyptischen Verbums. *Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften*. 1900. S. 317–353.
- Erman A. Zur Entstehung der jüngeren Flexion des Verbums. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 1901. Bd. 39. S. 123–128.
- Gardiner A.H. Rev.: Die Flexion des aegyptischen Verbums. Von Adolf Erman. (Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. XIX. pp. 317 ff.). *Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1900. Vol. 30. Pp. 13–14.
- Gardiner A.H. *Egyptian Grammar*. Oxford: Clarendon Press, 1927.
- Gertzen T.L. *École de Berlin und „Goldenes Zeitalter“ (1882–1914) der Ägyptologie als Wissenschaft. Das Lehrer-Schüler-Verhältnis von Ebers, Erman und Sethe*. Berlin: De Gruyter, 2013.
- Golénischeff W.S. Sur l'origine alphabétique de certains hiéroglyphes. *Actes du sixième Congrès International des Orientalistes, tenu en 1883 à Leide*. Pt. 4, sect. 3. Leiden: Brill, 1885. Pp. 77–87.
- Golénischeff W.S. *Le conte du naufragé*. Le Caire: Imprimerie de l'IFAO, 1912.
- Golénischeff W.S. Quelques remarques sur la syntaxe égyptienne. Recueil d'études égyptologiques dédiées à la mémoire de Jean-François Champollion. Paris: Champion, 1922. Pp. 685–711.
- Lefebvre G. Sur l'origine de la langue égyptienne. *Chronique d'Égypte*. 1936. Vol. 11. Pp. 266–292.
- Lexa F. L'origine vraisemblable de la forme verbale égyptien sDm.f et des formes qui s'y rattachent. *Philologica*. 1923–1924. Vol. 2. Pp. 25–53.
- Loprieno A. *Ancient Egyptian: A Linguistic Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Naville Éd. *L'évolution de la langue égyptienne et les langues sémitiques: l'écriture, la grammaire, le démotique et l'araméen, le copte, l'hébreu*. Paris: Geuthner, 1920.
- Schenkel W. *Die altägyptische Suffixkonjugation. Theorie der innerägyptischen Entstehung aus Nomina actionis*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1975.
- Sethe K. *Das aegyptische Verbum im Altaegyptischen, Neuaegyptischen und Koptischen*. Bd. 1–3. Leipzig: Hinrichs, 1899–1902.
- Sethe K. Über einige sekundäre Verben im Koptischen. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 1910. Bd. 47. S. 136–146.
- Westendorf W. *Der Gebrauch des Passivs in der klassischen Literatur der Ägypter*. Berlin, Akademie Verlag, 1953.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛАДЫНИН Иван Андреевич – доктор исторических наук, доцент исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, руководитель научного коллектива по проекту РНФ № 19-18-00369; профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Ivan A. LADYNIN, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; head of the scientific group for the research project of the Russian Science Foundation 19-18-00369; Professor, School of History, Faculty of Humanities, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia.